

ДИАЛЕКТЫ В СВЕТЕ ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО, СИСТЕМНОГО, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

И. Н. Нечитайло

Киевский национальный лингвистический университет

ДИАЛЕКТНАЯ ФИТОНИМИЯ В СВЕТЕ ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Традиционной областью славянского языкознания являются проблемы образования славянского языкового единства и последующего диалектного членения, первоначальной территории, занимаемой славянами, и их последующего распространения в разные исторические эпохи, а также контактов славянских языков с языками неславянских народов. Вопрос о предпочтительности диалектных или сравнительно-исторических данных для реконструкции праславянского языка в последнее время получил принципиально новое решение: исследуя в мельчайших деталях архаичный пласт современных славянских диалектов, можно получить представление о процессе развития элементов праславянской системы.

Новую лингвистическую информацию о дифференциации отдельных зон Славии и динамике этой дифференциации содержат праславянские диалектизмы – присутствующие в периферийных диалектных зонах славянских языков рефлексы праязыка, сохранившие неизменными свои фонетические, морфологические и семантические характеристики. Знакомство с континуантами праславянского языка в русских диалектах позволяет решить ряд проблем развития не только северного и восточного регионов Славии, но и взаимодействия этносов других ее частей.

В центре нашего внимания фигурируют праславянские отглагольные диалектизмы-фитонимы, позволяющие судить о мотивационной основе номинации растительного мира в общеславянском контексте. Наличие разных мотивационных признаков в каждом отдельном случае дает возможность реально ощутить «своеобразие национального языкового сознания в сложном процессе восприятия мира человеком, его познавательной и классифицирующей деятельности» [Вендина 2008: 22].

Иллюстрацией сказанному может стать разветвленное этимологическое гнездо праслав. *bręd- / *brěd-, в котором представлены две группы – праслав. *abrędъ от корня глагола движения *bręd- (с производными *abrędъка, *abrędъкъ, *abrędъ, *abrędъje, *abrędja) и праслав. *abrědъ, *abrědъ и *abrědъje от деназализованного дублета *brěd. Первая группа, от основы *bręd-, объединяется вокруг значений «росток», «цвет растения», «плод», а вторая (*brěd-) – «идуший, движущийся». Отпечатками праслав.

*abrěď стали русско-церковнослав. абрѣдъ «акрида», абрѣдъ, "брѣдъ «саранча, locusta» (XII в.) [Срезневский I: 4], а также обрѣда, "брѣдие, ставшие позже, по утверждению Э.Бернекера, названиями лишь плодов, овощей. Представители Московской этимологической школы считают данные праславянские диалектизмы результатом присоединения к основе префикса а-

Производное с суффиксом -ье праслав. *abrěďje нашло отражение в русско-церковнослав. "брѣди~ "саранча", абрѣди~ «акриды, locustae» (Мстисл. Ев. 1117 г., Ев. Акад. XIV в.) [Срезневский I: 3; ЭССЯ I: 48]. Сформировавшиеся от основы глагола состояния *bręd- праслав. *abręďъ, *abręďja, *abręďька отражены в польск. мазов. jabrząd м. р., jabrzędzie ср. р. «вид тополя», brazda „плодовое дерево”, словацк. диал. jabrátka, jaburátka множ. ср. р. "сережки (на вербе)". Параллельная им форма – иллир. (мессап.) brévtion [Kálat: 214; ЭССЯ I: 57],

Образование ботанической лексики от глагольных основ является достаточно частым для праславянского языка. Девербативы-фитонимы являются именами субъекта, осуществляющего действие, обозначаемое глаголами. Например, от глагола поверхностного действия праслав. *briti происходит название праслав. *brъjъ, объединяющее ряд разнообразных растений. Континуантами данной лексемы служат болг. брей "раст. Tamus communis, диал. брей м. р. «лесное растение, применяющееся как средство против чесотки у детей» (страндж.), «лесное растение, применяемое в народной медицине» (пирдопск.), «растение с низким стеблем и ядовитыми красными плодами Tamus communis» (троянск.), «красавка Atropa belladonna, переступень белый Bryonia alba и Tamus communis» [ЭССЯ III: 68 ; Български I: 76].

От основы глагола деформации праслав. *brъgati (< праиндоевроп. *bręgh – «гнуть») образован праславянский диалектизм с субъектным типом значения, а именно название растения по характеру роста. В его формировании произошла нулевая суффиксация с чередованием g / ž: праслав. *brъgiа / *brъža, сохранившееся в словен. baža "террасный виноградник" [Куркина 1993: 41; Pletersnik I: 15].

Основа глагола повреждения праслав. *čersti, *čърto "резать, царапать острым предметом" мотивировала девербатив праслав. *čertъ "камыш" – название по характеру острых листьев растения [Етимологічний IV: 243],

а затем – с помощью нулевой суффиксации – название места, где оно встречается: праслав. *čerta, словен. *čréta «болотистое место, поросшее камышом» [Pletersnik I: 110], диал. *čréta "общественный выгон" [ЭССЯ IV: 298]. Родственное наименование праслав. *čърtelъ, образованное по тому же образцу, отмечено в старопольск. czarcieł «растение Tithymalus lathyris Hill» (ок. 1465 г.) [ЭССЯ IV: 162].

Серию глаголов физического воздействия, служивших исходными для формирования имен деятеля и, соответственно, ботанических названий в праславянском языке, продолжает праслав. *le ■ pitī. От него происходит праслав. *le ■ рь «клей», мотивировавшее праслав. *le ■ рупі – название клейкого растения. В данный момент оно сохранилось только в русском языке как диал. лепы 🌱 нь «раст. лопух» (онежск.) [Словарь русских 16: 368; ЭССЯ XV: 129].

Одна из возможных реконструкций deverbativa – фитонима праслав. *rǫiščь (< *rǫsk-j-) предложена В.А. Меркуловой, которая выводит данную лексему из праславянского периода, однако прямых соответствий в славянских языках не указывает. Анализ ее семантики вызывает определенные затруднения в плане мотивации. Одним из значений исходного глагола праслав. *pryskati указано «лопаться (о почках), расцветать». При семантическом развитии слово *rǫiščь могло обозначать просто «цветок», однако, по признанию автора этимологии этого deverbativa, анализируемый материал недостаточен, а реконструкция формы и значения могут быть приняты лишь условно. Русск. диал. прущ «раст. Geranium cicutarium, Geranium lucidum, Geranium silvaticum» встречалось исследователям конца XVIII – начала XIX в. на Среднем Урале и в Сибири [Меркулова 1981: 4-5].

Праславянский глагол *botēti является, возможно, производным от праиндоевроп. *bheu- / *bhū- "расти" [Этимологічний I: 239]. От его основы с помощью суффикса -упь образовалось праслав. *bъtupъ. Таким образом, в результате деривационных процессов на базе значения „расти” возникло „тот, что растет”. Праслав. *bъtupъ зафиксировано в русском языке как диал. боту 🌱 н «раст. Allium altaicum, горный алтайский лук» (сибир., уфим.), «раст. Allium schoenoprasum, лук-сеянец» (иссык-кульск., перм.), «стрельчатый лук» (костр., перм.), буту 🌱 н «мелкий репчатый лук, выращенный из семян» [Словарь русских 3: 138].

Прямое значение в прошлом однокоренных глаголов праслав. *bagti, *bagnо 🌱 ti, *bažēti < *bagēti "гореть, печься" связано, возможно, с праиндоевропейским *bhōg- "печь" [Этимологічний I: 109]. Производным с суффиксом -ьсь от основы праслав. *bagn- является *bagnьсь, нашедшее отражение в русском языке как баганец «раст. Urtica L., крапива» (смол.) [Словарь русских 2: 34].

По мнению авторов Этимологического словаря украинского языка, глагол праслав. *kupiti «пахнуть» – родственный праслав. *куре ■ ti «кипеть», которому допускается также значение «пахнуть». В свою очередь, праслав. *куре ■ ti выводится из праиндоевроп. *kuer- / *kup- в значении «пахнуть» [Этимологічний III:147; Этимологічний II: 434]. Праслав. *kupiti стало исходным для праслав. *куругъ, обозначающего растение, которое сильно пахнет. В настоящее время его рефлекс в ряде русских говоров закрепились за растениями определенного вида: русск. купы 🌱 рь «раст.

дыгель *Angelica archangelika*; *Anthriscus sylvestris*, морковник» [Даль3 II, с. 567], диал. купырь «раст. *Angelica sylvestris*, дудник лесной» (рост., ворон., тамб., рязан., томск.), купырь лесной «раст. *Valeriana officinalis*» (тамб.), «раст. *Bunias orientalis* L.» (ворон.) [Словарь русских 16: 105-106].

Объектные названия как источник фитонимии свойственны говорам южного региона славянских языков. Например, фитоним праслав. *sily, также принадлежащий южнославянским языкам, представляет собой семантический тип объекта действия, обозначенного глаголом праслав. *sěti, *sějo. Изолекса его соответствий объединяет словен. síl "название растения" и хорв. síl "овес" [Куркина 1993: 41].

Среди девербативов, мотивировавших названия растений, прилагательные занимают особое положение. Так, происхождение праслав. *mytovъjь решается отнесением его к существительному праслав. *myть или *myto, которые, как известно, были синонимичными [Этимологический XXI: 82–83]. В русском языке праслав. *mytovъjь употребляется в диалектной лексике в составе фитонима мутовое коренье (раст. *Polygonum bistorta* L., горец змеиный, раковые шейки" (арханг., костр.) [Словарь русских 19: 31]. С исходными субстантивами его объединяет то, что обозначаемое им растение *Polygonum bistorta* L. широко используется от расстройства желудка, названиями которого и есть праслав. *myть и *myto.

Относительно возникновения фитонимического названия праслав. *bredina предложены две версии. Первая, Э. Бернекера и М. Фасмера, предполагает ее мотивированность основой глагола праслав. *bredo, *bresti через промежуточную стадию – суффиксацию (-ina) праслав. *bredъ: реальное обоснование для этого усматривают в том, что вербы растут на сырых местах, стоят в воде, «бродят» [Этимологический III: 11]. В таком случае девербатив должен обозначать субъект указанного глаголом действия. Однако первичным, более давним значением праслав. *bredo, *bresti является не просто перемещение, а переход вброд. Значение праслав. *bredъ, по-видимому, не имеет связи с перемещением, поскольку обозначает в ряде русских диалектов срезанные с вербы ветки, а значит, мотивировано, скорее всего, глаголом физического воздействия праслав. *briti «резать», связанным с праиндоевроп. *bher- «тереть, скрести, резать», *bhri-, *bhrei- [Этимологичний I: 259-260]. Эта версия, предложенная

Р.В. Болдыревым, представляется более убедительной, поскольку передает более конкретную мотивацию значения отглагольного названия растения, отражая более типичный для наименований данного разряда способ терминообразования, отражающий роль обозначаемого объекта в жизни человека. В таком случае праслав. *bredina является обобщенным названием объекта действия. Семантика его отображений в современных диалектах довольно однородна: русск диал. бредина "верба, ракита, лоза, *Salix*" (за-

падн., псков., калинин.) [Даль I: 309], укр. бредина «*Salix caprea* L.» [Этимологічний I: 250; Этимологический III: 11-12].

Южно-восточнославянский диалектизм праслав. *lozъje образовался вследствие соединения основы слова *loza "гибкая ветка; виноград; верба кустовая" с суффиксом -*ъje*. Его континуанты находим в старослав. *ěiçè~* ср. р., собир. «виноградные лозы; хворост», болг. *лóзе*, *лóз~* ср. р. «виноградник», диал. *лóзе* (гюмюрджинск., ихтиманск.), *лóзи*, *лойзь* (видинск.), макед. *лозје* ср. р. "тж.", серб. *лòзје* ср. р. "виноградная лоза" [Речник XI: 545; Rječnik VI:177], диал. *лóзје* (лужицк.), *лòзје* (косовско-метохисск.), л ^л*óзје* ср. р. (Црна Рец), стар. хорв. *lozje* ср. р., хорв. *lozjê*, *lô* [€] *zje*, *lôžje* ср. р., *lo* ^ѣ ^ѣ *žde* ср. р. (дубр.) [Rječnik VI: 179], словен. *lòzje* ср. р., собир. "виноградник" [Pleteršnik I: 534], старорусск., русск.-церковнослав. *лозие* ср. р., собир. к лоза (XVI в.) «хворост, прутья» (XVI-XVII в.), «длинные гибкие ветки некоторых кустов» [Словарь русского 8: 272; Срезневский II: 44], русск. диал. *лóзьё* ср. р. «лозняк (ивовый кустарник)» (смол.), «длинные гибкие ветки некоторых кустарников, преимущественно ивы» (новг.), "ветки берез, из которых делают веники" (костром., ярослав., моск.) [Словарь русских 17: 112], староукр. *лозьє* ср. р., собир. «вербовый кустарник», белор. диал. *лóзьє* ср. р., собир. «тж.» (туровск.) [Тураўскі слоўнік 3: 40]. Учитывая, что первичным значением данного диалектизма было «гибкая ветка», наиболее архаичными лексемами, которые сохранили это значение, оказываются старорусские, русско-церковнославянские рефлексy, а также северные диалектизмы русского и полесские – белорусского языков.

Генерализуя информацию, содержащуюся в материале по словообразованию и семантике праславянских диалектизмов, можно утверждать, что активным источником пополнения словаря растительного мира праславянских диалектов были глаголы физического действия, которые можно отнести к группам перемещения, поверхностного воздействия, деформации, состояния и звучания. Процесс формирования фитотерминологии имел промежуточный этап субъектных, объектных и атрибутивных названий.

Праславянские фитонимы отглагольного происхождения получили рефлексацию в различных регионах Славии, однако наибольшей ценностью обладают диалектизмы точечного распространения в пределах одного диалекта либо объединенные межъязыковыми сепаратными изоглоссами. Наиболее регулярные семантические и словообразовательные соответствия имеют восточнославянские, сербские и русские, словенские и русские. болгарские и русские диалекты.

Лексико-словообразовательные и семантические штудии праславянских диалектизмов позволяют выявить некоторые закономерности, которые прослеживаются на диалектном ландшафте Славии, и это обстоятельство чрезвычайно повышает ценность диалектов с наибольшей концентрацией лексической архаики. Лингвогеографическая характеристика большинства рассмотренных случаев образования и распространения данной

лексики может послужить основанием для воспроизведения праславянских диалектных систем и контактов.

Литература

1. Български етимологичен речник / съст. В.И. Георгиев, И. Заимов, Ст. Илчев. София: БАН, 1971-2002. Т. 1-6.
2. Вендина Т.И. Из истории работы над Общеславянским лингвистическим атласом. К 50-летию проекта (1958-2008) // ОЛА. Материалы и исследования. 2006-2008: Сб. научных трудов. М.: Учреждение Российской академии наук Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 2008. С. 5-31.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
4. Етимологічний словник української мови: в 7 т. // за ред. О.С. Мельничука. К.: Наук. думка, 1982-2007. Т. 1-5.
5. Куркина Л.В. Паннославянская языковая общность в системе диалектных отношений праславянского языка // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации / отв. ред. академик Н.И. Толстой. М.: Наука, 1993. С. 36-46.
6. Меркулова В.А. Восточнославянские этимологии. I // Этимология 1979. М.: Наука, 1981. С. 14-20.
7. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд: Институт за српскохрватски језик, 1959-1978. Књ. 1-11.
8. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Л.: Наука, 1961-1999. Вып. 1-33.
9. Словарь русского языка XI-XVII вв. / ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 1975-1991. Вып. 1-17.
10. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе погранічча. Мінск: Навука і тэхніка, 1979-1986. Т. 1-5.
11. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893-1912. Т. 1-3.
12. Тураўскі слоўнік беларускай мовы. Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1975-1983. Т. 1-5.
13. Трубачев О. Н. Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Русская региональная лексика XI-XVII вв. М.: Наука, 1987. С. 17-28.
14. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд // под ред. О.Н. Трубачева. Вып. -34. М.: Наука, 1974-2009.
15. Kálal M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečia. Bratislava: SAV, 1965.
16. Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana: Knezoškobijstvo, 1884-1895. В. 1-2.
17. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti, 1880-1967. D. 1-19 (Sv. 1-90).

Т.Е. Баженова

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА
САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ